

ЛИБЕРИЯ

ТЕКСТ И ФОТО: АЛЕКСАНДР ЕГОРОВ (записал Алексей Попов)

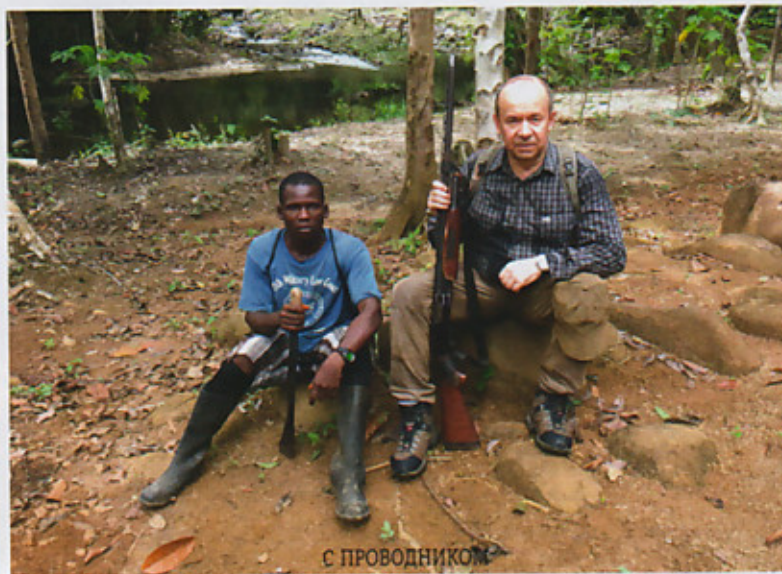
Возможность охоты в Либерии я начал изучать довольно давно: она оставалась одной из немногих африканских стран, способных «дать» сразу несколько эндемиков, т. е. видов, которые можно добыть только тут. Теоретически меня интересовали шесть или даже семь трофеев, включая западноафриканского бонго.

К 2016 году я уже пару лет вплотную занимался организацией поездки в Либерию. Дело осложнялось тем, что страна эта малопосещаемая трофейными охотниками – гораздо менее, чем Зимбабве, Намибия, Камерун или даже Мозамбик. Сюда едут единичные охотники, уже достигшие основных вершин в трофейной иерархии, и, кстати, либерийские трофеи в неофициальной «табели о рангах» высших трофейных достижений имеют особую стоимость. Получить сколько-нибудь практическую информацию об охоте в Либерии в России на данный момент просто нельзя, поэтому в основном я общался с одноклубниками по SCI (Safari Club International, международный клуб «Сафари»). В результате было намечено несколько аутфитеров, у которых проводились успешные охоты. Это всё были местные либерийские компании, без каких-либо представительств в Европе или США. Для технического обеспечения будущего контракта я подключил одного американского агента и одного российского – компанию «Профихант». С тем аутфитером, к которому я вначале рассчитывал поехать, банально не смогли связаться, но по итогам переговоров

с другой либерийской компанией я понял, что могу «рассчитывать» на 5 новых трофеев, 6 – если повезёт. В январе 2017-го на выставке в Далласе я подписал, наконец, контракт, подтвердив охоту на февраль. Но аутфитер тут же отписал, что в феврале не может, и предложил март. Таким образом, охота несколько раз переносилась, и поехал я в результате (вняв уверениям, что «всё равно всё добудем») в самом конце сезона – в середине мая. Это, конечно, было главной ошибкой: надо было ехать хотя бы на пару недель пораньше, ещё лучше в марте – начале апреля, но никак не позже начала мая!

В аэропорту столицы Либерии Монровии мне поставили визу, а затем... я сорок минут ждал, когда меня встретят. Редкий случай, когда у меня даже телефона встречающих не было – только номер агента. Наконец, встречающие нашлись, и мы поехали в гостиницу – облезлый и неказистый

африканский отельчик. Вообще, в Либерии всё, если можно так сказать, чересчур «африканское»: начиная с аэропорта всё в очень запущенном состоянии. В отеле я сказал, что ничего есть-пить не буду (чтобы не рисковать) и чтобы мы быстрее ехали в лагерь. Но особо быстро не получилось; на

С ПРОВОДНИКОМ

следующее утро, выпив всё-таки чашечку кофе (зная заранее, что с местной кухней тут откровенно неважно, я набрал с собой не только продуктов, но и напитков), мы часов в 11 утра выехали в угодыя: я, компаньон аутфитера Кевин и водитель. Ехать, по их словам, предстояло часов 6.

Дорога оказалась очень непростой: несколько раз путь преграждали провалившиеся на... мостами эти сооружения язык не поворачивается назвать – каких-то мостках машины. Их вытаскивали, наскоро зазатывали дорожное полотно, а один раз мы объехали очередной затор вброд. При этом у таких переправ нам регулярно преграждали путь представители местных общин, пребывавших, очевидно, в полной нищете. Они требовали плату «за проезд», а именно на ремонт и поддержание в рабочем состоянии тех самых мостков-переправ. Тем не менее к девяти часам вечера мы прибыли, наконец, в лагерь. Сразу скажу: он произвёл неплохое первое впечатление, но при более близком знакомстве оказалось, что всё настолько примитивное и убогое... Розетки в бунгало не работали, чтобы пользоваться унитазом, надо было переключать воду, душ – просто свисающий сверху шланг, ни умывальника, ни зеркала... Умываться по утрам я в итоге ходил на речку. Ещё хуже было то, что кровати в номере были сделаны в виде постаментов из... смеси глины и цемента! В номере постоянная очень высокая влажность, ничто не сохнет, местное постельное бельё просто всё в разводах чёрной плесени – хорошо, что я взял с собой большое количество простыней и нательного белья (а также утюжок и электрический чайник): это выручало. Чтобы уж закончить с бытом – кухня тоже оказалась самой примитивной (куриные голяшки, редко – давно замороженная рыба), даже с посудой были большие проблемы. Представления же местных поваров и персонала о кулинарии и гигиене – самые что ни на есть первозданно африканские, так что ехать в Либерию без собственного большого запаса спиртовых салфеток, джина и продуктов, наверное, довольно опрометчиво.

В принципе, об этих особенностях охоты я знал, поэтому запасся всем необходимым. В том числе решил даже «поломать» свою давнюю традицию – не брать на охоту тушёнку! Тут ведь Африка всё-таки – вдруг не сработает? И вот, наверное, в первый раз за много лет я сам сознательно взял с собой несколько банок лосиной тушёнки. Она ли тому виной, или всё само так сложилось, но, к сожалению, примета в очередной раз оказалась верной: охота получилась не просто сложной, а самой сложной из всех моих не только африканских охот, но и, возможно, охот вообще.

Основные трофейные объекты Либерии – карликовые антилопы (дукеры и водяной оленёк), обитающие во влажных тропических лесах этой страны, и западноафриканский бонго (спиралерогая антилопа, также обитатель тропического леса). Охота проводится в основном в тёмное время суток. От лагеря в лес уходит несколько «маршрутов» – очевидно, годами расчищаемых в густом тропическом лесу тропинок. Видимость вправо-влево от тропинки обычно несколько метров: иногда метр, иногда, на наиболее чистых местах, 8–10 метров. Весь расчёт такой ночной охоты с подхода в том, что дукеров, очевидно, расчищен-

МОЁ ЖИЛИЩЕ

В ЛАГЕРЕ

ные тропки также привлекают, а при приближении людей они чаще всего не убегают далеко, а зачастую затаиваются в ближайших кустах (обычно стоят, но иногда и лежат). Стрельба тут требуется исключительно на короткие дистанции, поэтому применяются дробовые ружья. В эту

поездку я пользовался местным очень сильно обшарпанным, но вполне рабочим дробовиком, и местными же патронами, к которым в принципе нареканий не было.

В первый день, а вернее ночь, по приезду в лагерь мы с молодым проводником ходили немного, часа четыре – и не увидели вообще ничего. Я сразу отметил, что опыт сопровождающего оставляет желать лучшего – проще говоря, каши с ним явно не сварить. На следующий день пробовали манить (это второй способ охоты в подобных местах) – тоже безрезультатно, а вечером меня сопровождал уже менеджер лагеря, опытный проводник (удалось договориться, что по вечерам я всё-таки буду охотиться с ним). В этот раз мы проходили часов шесть, но я не рассчитал с водой, под конец устал, и вернулись мы, в общем, раньше, чем рассчитывали. Надо учитывать, что условия охоты в мае – это очень большая влажность и ночные температуры под тридцать градусов. На следующую ночь мне повезло добыть водяного оленка – редкий и, безусловно, очень ценный трофей, я, по крайней мере, не слышал, чтобы кто-то регистрировал его в России. В Safari Club International трофеев водяных оленков зарегистрировано всего двенадцать, и добытый мной, без сомнения, сразу попадёт в Top ten.

На третью ночь был ливень, мы походили часа три – с нулевым результатом, зато крайне некомфортно и утомительно (ботинки доверху были залиты водой). Но дальше охота понемногу «пошла»: на четвёртый день были добыты дукер Максвелла и черноспинный дукер. На пятый – ещё один водяной оленёк... Тут надо пояснить, что охотнику в лесу очень трудно разбираться, что перед ним, и, если не знаешь всех тонкостей охоты, просто некогда принимать взвешенные решения. Мне же порой вообще ничего не было видно. Охота происходила следующим образом. Впереди – проводник, за ним – я с фонариком. У проводника тоже фонарик, постоянно включённый мощный «налобник». Поскольку тропинки за много лет хорошо расчищены, то передвигаемся мы довольно быстро для леса, иногда километров до трёх в час. Временами двигались вообще быстро, возможно, в местах, где проводник не рассчитывал на

встречу со зверем. В других местах такая встреча выглядела всегда одинаково: отблеск глаз в свете фонарика проводника, мгновенная остановка, доли секунды на раздумья, что именно перед нами и стоит ли это стрелять, и если проводник решал, что стоит, то молча и тихо подсвечивал точку для выстрела лазерной указкой. И вот я только день на седьмой понял, что не надо в этот момент торопиться – вполне можно попытаться рассмотреть получше, поскольку зверёк если уж встал, то сразу точно не убежит. Но меня в первую же ночь сбил с толку тот самый молодой проводник, который в какой-то момент вроде бы что-то увидел, подсветил, а потом выговаривал мне, что надо было готовиться стрелять, а не пытаться рассмотреть в бинокль... После этого «опыта» я только в первый раз более-менее видел, кого стреляю: первый водяной оленёк находился в воде. В следующие несколько дней порой не удавалось понять не только как стоит зверь, а есть ли он там вообще. Конечно, это усложняло охоту – даже при стрельбе дробью накоротке. Особенно расстроил подранок зебрового дукера (как сказал проводник), которого я стрелял, вообще не видя практически ничего, только красную лазерную точку, и которого мы в итоге так и не добрали (собак для добора в лагере не оказалось). Остаётся добавить, что в контракте напрямую оговаривается, что вся ответственность за выстрел лежит только на охотнике – понятие «ошибка проводника» при таком способе охоты просто отсутствует: что бы ты ни подстрелил, оплачиваться это будет в полном размере...

Но мне в эту поездку, прямо скажем, не везло: за полные 10 дней и дополнительную ночь по 5–6 часов ежедневно в угодьях я так и не встретил больше зебрового дукера. При этом параллельно со мной охотился один американец, так он добыл зебрового дукера на второй день, вблизи лагеря, через полчаса после выхода на охоту. Вообще, он (этот американец) ходил очень мало, часа по два, но выполнил свою программу буквально за несколько дней, в том числе добыв редкого чёрного дукера буквально на второй или третий вечер. Я же ни на одной охоте прежде так не убивался – и наградой за это к трофеям первых дней стали только за-

падноафриканский бонго довольно скромных размеров и дукер Оджилби, если не считать, конечно, постоянных жары и дождей, влажности, москитов, муравьёв и кусачих мух, от которых не спасают даже плотные джинсы и рубашки, постоянно мокрые. Всё время хотелось пить, но солевой баланс не восстанавливался даже специальными изотоническими напитками, которые не придавали сил или хотя бы бодрости, а совсем наоборот. Первые 2–3 часа в угодьях я ещё держался – не пил, но когда жажда брала своё, стоило хотя бы немного попить, и дальше силы начинали убывать с удвоенной скоростью, а пить хотелось уже просто непрерывно... Ещё несколько раз мы встречали дукеров Максвелла, когда я уже понял, что торопиться с выстрелом нет никакого смысла (хочу это ещё раз подчеркнуть!). Раза четыре я их детально разглядывал со всех ракурсов, подходил к ним, отходил... Всё это только в ночное время, хотя практически каждый день я также охотился – в основном на манок, – но видели мы в светлое время только обезьян. Таким образом, распорядок дня (вернее, суток) был очень плотный: на дневную охоту обычно выходили часа в 3–4, с тем, чтобы к шести вечера вернуться, перекусить-передохнуть, и в 8–10 вечера (в зависимости от дождя) выйти уже «в ночное». Возвращались под утро; душ, перекус, сон – и всё по новой. Через несколько таких дней, несмотря на регулярный приём «Магний В6», мышцы ног болели так, что приходилось пить обезболивающее. Хорошо, что благо-

ВОДЯНОЙ ОЛЕНЁК

даря удобной разношенной обуви обошлось без серьёзных натёртостей, но усталость всё равно была такая, что полностью восстановиться после Либерии удалось лишь через месяц! Тем не менее, надеюсь, это была моя не последняя поездка в эту страну, которую, безусловно, стоит посетить каждому по-настоящему влюблённому в африканскую охоту охотнику... 🐾